

РУССКІЕ РАНЕННЫЕ

ВЪ АЛМИНСКОМЪ СРАЖЕНІИ — У АНГЛИЧАНЪ.

(Глава XLV сочиненія Книжника „The invasion of the Crimea“. Vol. VI Leipzig. 1868 Tauchnitz edition. Съ англійскаго Ежена Алабинна).

Эпизодъ, взятый нами изъ сочиненія Книжника, съ которымъ, конечно, незнакомо большинство русскихъ, кромѣ того, что само по себѣ представляется происшедшимъ житейскаго интереса для каждого, кто хотѣлъ бы ознакомиться со всеми подробностями крымской кампаніи, можетъ напомнить собою рядъ фактическихъ доказательствъ, приведенныхъ въ последнее время военною литературой, для подтвержденія необходимости организованія общества для вспоможенія раненымъ и больнымъ воинамъ на войнѣ и заключенія конвенцій между всеми государствами о пріеманіи нейтральныхъ походныхъ лазаретовъ, госпиталей и неравночныхъ пунктовъ, съ ихъ составомъ.

Въ нашу цивилизованную вѣкъ, когда орудія вреда и гибели, себѣ подобныхъ человечеству было въ необходимости довести до неразительнаго совершенства, тоже человечество, во имя священнѣйшихъ чувствъ своихъ, должно измыслить и принять такія мѣры, чтобы на будущее время, въ случаѣ войны, явленія, подобныя вышеописанному, были невозможны.

Для большей полноты разсказа и для уясненія нѣкоторыхъ его подробностей, мы позволимъ себѣ, къ новѣйшему англійскаго писателя, съ дозволенія его переводчицы, прибавить нѣсколько своихъ примѣчаній.

П. Алабинъ.

9 декабря 1869 г.

Самара.

По окончаніи алминскаго сраженія, нѣкоторые англійскіе генералы убѣдительно просили дозволить имъ спуститься къ рѣкѣ, гдѣ и расположились войска, утомленные битвой, во избѣжаніе необходимости таскать воду на высоты крутаго берега. Но лордъ Рагланъ, не желая оставить зѣриплесій купальниыхъ такою дорогою цѣною, рѣшительно отказалъ въ этихъ просьбахъ и оставилъ войска на пятидесяти высотахъ.

На ночь генералъ Эйръ (Airey) поставилъ англійскую пѣхоту въ одну линію, помѣстивъ артилерію за колоннами противу интерваловъ пѣхоты такъ, что, въ случаѣ надобности, она немедленно могла выстроиться и быть готовою къ дѣлу; лѣвый флангъ англичанъ прикрывала кавалерія. Такое расположеніе очень понравилось генералу Мартенпре (*), и онъ рѣшился подобнымъ же образомъ поставить и французскія войска.

Суровыи отъ большими и слабосильными, слѣдовавшие за арміей, во время битвы, были остановлены въ выстрѣловъ, но, когда сраженіе кончилось, ихъ перевели черашъ жостъ. Многочисленность прибывшихъ вскорѣ произвела безпорядокъ въ арміи. Всю ночь люди раскидывали другъ друга и свои части.

Въ ночь послѣ сраженія, люди продолжали заболѣвать и умирать холерой.

Картина поля алминской битвы представляла необыкновенное зрѣлище для каждаго, не только для солдата. Вообще, европейскія войска, иди въ сраженіе, преслѣдуются отаратительной толпой разныхъ промышленниковъ, которая затрудняетъ движенія арміи, а послѣ сраженія свѣшить обыкновенно на поле битвы, чтобы ограбить мертвыхъ и раненыхъ. Одежда, украшения и обувь исчезаютъ при этомъ съ такою быстротою, что поле, къ концу дѣла, оставшееся усѣянными цвѣтными пятнами и блестящее мундирами, вдругъ принимаетъ видъ страшной мясной лавки, въ которой валяются мертвыя и обезображенныя лошади, да желтыя человѣческіе груны, оставшіеся какъ-бы для указанія мѣста, гдѣ проходила битва. Въ началѣ войны, значительное пространство и море, отдѣлившія Британскій Полуостровъ отъ гнѣдимища европейскихъ пороковъ, спасали армію союзниковъ отъ грабителей-промышленниковъ, и потому-то, какъ сказано выше, поле алминской битвы представляло необыкновенное зрѣлище: убитый солдатъ лежалъ совсѣмъ одѣтый и вооруженный, въ томъ

(*) Мартенпре—начальникъ главнаго штаба французской арміи. II. А.

основъ видѣ, въ которомъ онѣ получали смертельную рану; многихъ такъ быстро постигла смерть, что члены ихъ вдругъ окончали, руки и оружіе остались въ томъ положеніи, какое имѣли въ моментъ смерти (*). Это особенно замѣтно было въ тѣхъ случаяхъ, если смерть поражала солдата въ минуту, когда онъ страдалъ. При этомъ убитый лежалъ навзничь, съ вытянутыми впередъ руками, дакъ-бы хотевый спустить курокъ поднятаго ружья.

Бояры вообще, одежда на убитыхъ скрываетъ ихъ раны отъ взора зрителя, и поражающее безобразіе смерти являлось во всемъ своемъ ужасѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда у солдата была оторвана голова, или когда смерть была произведена пушечнымъ ядромъ (**).

(*) Медики извѣстно, что такая естественность, какъ бы походивъ на стабильность, можетъ происходить отъ огнестрѣльной раны. Въ настоящее время случается еще имѣть возможность на многихъ изслѣдовать это явленіе. *Пр. Кинмакс.*

(**) Мы считаемъ уместнымъ привести здѣсь рассказъ французскаго очевидца и участника альянской битвы, рисующаго яркими красками не только самое это событіе, но и ближайшія его послѣдствія. Авторъ „Journal historique de siège de Sebastopol“, такъ описываетъ вечеръ и ночь, послѣдовавшія за алышскомъ битвою, равно и слѣдовавшій за нею день: „Ночь величественно спускалась надъ алышскою долиною. Луна свѣтила являя только кресты, для кое-гдѣ раскинутыя палатки, балъзвшаея будто надгробныя палатки. Сдѣшши были только огни часовыхъ и какъ-бы рокошь, подобный шуму возмущающагося города, мѣшавшійся съ голосомъ природы.“

„Я попытка осмотрѣть вѣсь битвы. Для вѣщца — обольстительная картина. Съ самаго вечера, человеколюбивые солдаты подбирали полевыхъ раненныхъ. Русскіе трепетали при приближеніи нашихъ солдатъ и подотыкали шеи (?), какъ бы палачамъ. Ихъ обманули на наизлѣтъ, и потому они были очень удивлены, когда съ ними поступали такъ же, какъ и съ нашими ранеными. Пространство вокругъ телеграфа имѣло видъ бойни. О Боже! какое ужасное смѣшеніе обрывковъ, всевозможныхъ одеждъ, наломаннаго оружія, изуродованныхъ тѣлъ, разбитыхъ и оторванныхъ членовъ! На английской сторонѣ, равнина и паразиты редутовъ представляли еще болѣе ужасную картину, способную anywhere ямчатъ. етъ естественнаго. Русскіе артиллеристы грудями лежали на платформахъ, возбудя мое удивленіе: здѣсь, въ этой усыпальницѣ всѣ лежали, напоминая свой домъ.... Честъ имъ! На берегу Вурюна, у Алы-Танака, валялись въ пыли данные ряды стрѣлковъ. Нѣкоторые изъ этихъ храбрцевъ утону въ воду и плавали между водными глишши. Другіе лежали на вѣткахъ кустовъ и неслѣдствіа для вѣсь. каданми считалась изъ ихъ ранъ. Нѣкоторые стояли поддержанные древашинами вѣтвками: можно было сказать, что эти не считали себя пораженными, потому что они не были повергнуты на землю. У подошвы горъ лежало множество убитыхъ молодыхъ людей: русскіхъ, алышчанъ, французовъ, германскихъ другъ другъ, безъ всякой, впрочемъ, взаимной знаменити. . . . .
Земли была напоена ихъ кровью; каждый изъ нихъ казался спящимъ, какъ спавшая царица. Сколико труновъ, столько семействъ въ печали! Русскіе, безъ исключенія съ бошими погами; алыш штаны забученные выше колѣвъ, до того этого, гдѣ они; въ видѣ подпоясъ, имѣють обыкновенныя носки на ногъ свой домашний кошелекъ (чересть). Зубамъ уже успѣли осмотрѣть ихъ. Осѣтки деревня, замешанной навалушъ по необходимости, еще дымялись и толпы солдатъ ри-

Раненые, большую часть, лежали молча. Только изредка кто-нибудь из них тихо просил напиться или осведомиться: скоро ли его перенесут и позаботятся о его ранах? Хотя полки бивом и неслись в пелену хижин. Меня возмутила эта хищность победителей. Но чтобы не умереть от чувствительности, здесь надлежало вырвать из сердца всякие лишние чувства. Неумолимо и твердо на деревянный пукт. Оттуда неслись потрясающие крики. Лазаретные прислужники входили и выходили въ передникахъ облитых кровью. Они были похожи на мясниковъ, во время работы. Я съ отвращеніемъ отвернулся. Разшительно, слава подобна тѣмъ дуртисанамъ, которыхъ прирѣзають кѣстами азамъ на груди своей. Продомавъ путь, я остановился передъ действовавшимъ англійскимъ лазаретомъ. Тамъ былъ большой порядокъ: требовавшіе немедленной помощи и ампутаціи могли, сколько имъ было угодно, жаловаться и кричать—намъ какъ будто говорили: терпѣніе! ваша очередь придетъ; дайте намъ сперва подобрать товарищей, которые могутъ подождать, дайте подобрать эти трупы, уже ненуждающіеся въ нашей помощи! О, Джонъ Буль! какъ твоя методическая эгоистичность иногда бываетъ убійственна!...

„Три обширныхъ котла приняли въ свои ядра, каждая отдѣльно, русскихъ, англичанъ и французовъ. Церемонія происходила безъ пышности и надсробныхъ утѣхъ. Другія въ слезахъ, молитва, искренняя, какъ горе кричащая, да рыхлая земная маслы—вотъ и все. Намъ было невозможно впасть послѣднюю, особенную честь нашимъ соотечественникамъ—убитымъ русскимъ офицерамъ. Въ орденѣ они охотнѣе не отличаются отъ солдатъ. Они въ солдатскихъ шинеляхъ. Безъ сомнѣнія, они извѣстны своими талантами и храбростями: русскіе различаютъ своихъ начальниковъ и въ суматохѣ боя. Но у насъ, если офицеръ не одѣнется въ сраженіе какъ на базъ—прощай величіе начальника! У насъ считается долгомъ и славою, будто въ наемъ, блеснуть передъ врагомъ своимъ, аргументами, подставить ему грудь, какъ дѣлавали римскіе консулы, облекаясь передъ сраженіемъ въ свои пышные босмы тогъ“.

Другой французскій писатель, де-Базанкуръ (*L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sebastopol*), такъ говоритъ о дѣлѣ, послѣдовавшемъ за адмиральскою битвою:

„Въ день битвы, ошьяненіе и дымъ все затемняютъ. Въ чаду того я во мглѣ другаго, обмыченно, ничего не вижу, кромѣ побѣды. Не на другое утро опредѣляются действительные результаты боя—почисляютъ потери и прибрѣтенія. На другой только дѣнь узнаютъ слѣдствія истре, которыхъ будутъ начертаны только на могилкахъ, и видятъ врачамъ и безмолвнымъ то поле, покрытое трупами и обложками, которое накануне еще было такъ живуще и омынено.“

„Ваша, писалъ маршалъ Гентъ-Арно, въ своихъ бѣгахъ заступалъ, автра—оборотъ медалъ: раненые, намъ—которые надо лечислать!... Побѣдъ не сдѣлало бы высылать соматій!... но это невозможно!“ Каждая побѣда покупается кровью здѣсь, слезами—тамъ. Побѣда сводитъ своей балансъ.

„Огнь балансъ былъ славенъ для нашего оружія. 4 мая 5,000 русскихъ призывали поле битвы посреди своихъ походныхъ машинъ, разбросанныхъ вѣдетъ съ оружіемъ. Наши перевалочные пункты перекочевали раненые русскіе и ихъ немедленно отправляли въ Константинополь вѣдетъ съ нашими.“

„31 сентября было посвящено на исполненіе боевымъ занасомъ, уборку раче-ныхъ и погребеніе мертвыхъ. Убитые русскіе, надо положить, были погребены такъ какъ и наши раненые и ихъ ранены, перенесенные съ нашими, были оруженымъ тѣмъ же почетомъ что и наши; тѣмъ же земляныи обдегчить ихъ варадана.“

Ш. А.

заклучало въ себѣ ничто такое, что могло бы ослабить людскій духъ, но, вообще, было большимъ неудобствомъ продолжительное пребываніе молодыхъ солдатъ между мертвыми и ранеными, преимущественно потому, что зрѣлище это наводило ихъ на мысль самообхраненія. Что удивительнаго, если солдаты легкой дивизіи, пережившіе своихъ товарищей на штурмѣ русскаго укрѣпленія, разсуждая о той опасностѣ, которой подвергались, говорили въ некоторыхъ полкахъ: «насъ приносятъ въ жертву» (*). Подобныя сомнѣнія опасны. Въ битвѣ солдата поддерживается безоглядная вѣра въ его начальниковъ; она даетъ ему самообладаніе. Неотвѣтственное чувство такого свойства, что только можетъ не только поколебать, но и покончить, если солдатъ увидитъ, что полкъ его сильно пострадалъ въ кровавой борьбѣ (**).

На другой день послѣ алинскаго сраженія, сотни русскіхъ раненныхъ, лежавшихъ на той частѣ поля битвы, которая осталась въ рукахъ англичанами, были перенесены къ рѣкѣ, въ мѣсто болѣе закрытое, недалеко отъ главной квартиры (**). Тамъ ихъ положили рядами, составившими большой оврагъ. Такое удаленіе раненныхъ въ мѣсто, небывшее на виду, имѣло слѣдствіе, что какъ эти раненные, такъ и представленный къ нимъ караулъ, были забыты нѣсколько часовъ оставались безъ пищи. Къ счастью, въ главной квартирѣ нашлся человекъ, проникнутый чувствомъ чести и долга, въ которомъ большая сила воли, непреодолимая энергія и твердость убѣжденій соединились съ кипучею дѣятельностью. Это былъ г. Ромэнъ. Видя, что бѣдные русскіе раненные лежатъ безъ всякаго надзора, онъ рѣшился помочь имъ немедленно всѣмъ, чѣмъ только было возможно при томъ ненабывшемъ безпорядкѣ, который обыкновенно господствуетъ на другой день большого сраженія. Зная, какъ былъ озабоченъ лордъ Рагланъ, Ромэнъ не затруднялъ его своими представленіями, а началъ дѣйствовать самъ, не давая отдыха тѣмъ, чья непосредственная помощь ему была необходима. Подъ влияніемъ его великодушныхъ усилій и настойчивости, апатія многихъ мало по малу начала пропадать, и онъ, наконецъ, добился того, что получалъ

(*) Такие отзывы я самъ слышалъ въ толькѣ солдатъ одного изъ полковъ легкой дивизіи.

(**) Меня могутъ упрекнуть за такое значащее отношеніе опасности къ нравственной силѣ, которой подвергались полки легкой дивизіи, оставаясь ночевать на полѣ алинскаго битвы. Но лордъ Байтъ неоднократно повторилъ, что въ мирѣ нѣтъ войскъ, которые, подвергаясь подобному испытанію, не ранили бы утратѣ самоувѣренности и довѣрія къ своему начальству.

(***) Полагавъ ихъ было до 500; другіе говорятъ до 750 человекъ. Пр. Рагланъ.

400 штукъ оушарой и столько рабочихъ рукъ въ свое распоряженіе, сколько ему было необходимо. Занятъ Ромеъ работалъ до тѣхъ поръ, пока не осталось ни одного русскаго раненаго, котораго—бы онъ не снабдилъ хлѣбомъ и водою (*). Ромеъ трудился отъ 7 часовъ вечера до половины 12 ночи. Глядя на него, можно было подумать, что онъ тамъ усердно работаетъ по какому-нибудь особенно важному побужденію. Прикинувъ, а на мѣхъ простаго состраданія. Онъ передавалъ намъ, что въ это время онъ пережестъ самое тяжелое, когда—либъ имѣть испытанное, чувство. Нѣкоторые раненыя были ужасны; у нѣкоторыхъ не было рта: имъ нечего было жевать и пить. Были лица способныя являться даже во снѣ такимъ—то страданіемъ. Хотя имѣть могла этихъ страданіемъ не было почти ничего, кто могъ бы объясниться на другомъ языкѣ, кромѣ русскаго, но въ звукѣ ихъ омовъ было столько мелодіи, что она давала понять иностранцу всю благодарность, которую они считали выразить (**).

(*) Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1854 г., №№ 126 и 127 былъ напечатанъ рассказъ раненаго на Ализъ унтеръ-офицера Владимірскаго полка Григорьева, переданный медицинъ М. Кузнецовымъ. Изъ этого разсказа видно, что, действительно, какъ дѣлае говорить самъ Кирдякъ, при нашихъ раненыхъ на Ализъ, подобранныхъ англичанами, на занятомъ ими пространствѣ, когда они стали продолжать свое наступленіе на Севастополь, былъ оставленъ докторъ Томсонъ (вскорѣ послѣ того умершій отъ холеры), съ прислужниками. Докторъ Томсонъ своими заботами о нашихъ раненыхъ, доставленіемъ имъ пищи и подаченіемъ возможной помощи, оставилъ въ нихъ чувство искренней и вѣчной къ себѣ благодарности; но что касается до г. Ромея, то Григорьева не упоминаетъ о немъ въ своемъ разсказѣ. П. А.

(**) Не можно отрицать себя въ удовольствіи привесть и здѣсь кстати трогательный разсказъ духовника французской арміи, де-Дамъ (Souvenirs religieux et militaires de la Crimée), объ одномъ изъ нашихъ оенцеровъ, раненомъ въ алмаинскомъ дѣлѣ. Этотъ разсказъ де-Дамъ воспроизводитъ со словъ какого-то французскаго запрана.

„Надо сознаться—говорилъ напрадъ—что русскіе насъ заставляють краснѣть: у нихъ больше христіанскихъ чувствъ, чѣмъ у насъ. Вечеромъ, послѣ алмаинскаго сраженія, рана моя не очень болѣла и мнѣ не захотѣлось оставаться въ шалатѣ. Я пошелъ бродить по полю битвы, и вотъ, между туманами, вижу русскаго оенцера, который еще дышалъ. Замѣтивъ меня, онъ испугался. Онъ воображалъ, что я поступилъ съ нимъ по варварски, и спряталъ голову подъ одно изъ тѣлъ. Онъ былъ намеренъ, какъ имъ потомъ сознался, прикинуться мертвымъ и непробудно ночью, уходить къ своимъ. Я подошелъ, подаль ему руку и, думая что онъ меня не дождеть, знаками старался объяснить ему, что готовъ быть ему посланимъ. Успокоивши имѣть обращеніемъ, онъ заговорилъ со мною по французски, допросилъ видѣться и выразилъ желаніе видѣть доктора, который облегчилъ бы его ужасныя страданія. Сердечными словами я ободрилъ его и далъ понять, что онъ вернется въ французскія медицинскія веденіи и предпринимательное обращеніе. Я не прежде его оставилъ, какъ онъ былъ помѣщенъ въ лазаретъ и его раны были перевязаны. Благодарный оенцерь посылалъ мнѣ ружье, дабы я отправляясь, чтобы позаботиться о себѣ раненомъ. Словъ бра-

Майоръ Селлеръ, изъ управленія генераль-квартирмейстера, являясь съчувствуя г. Ромэну, раздѣляя съ нимъ физическій трудъ ухода за ранеными, и помочь ему преодолѣть затрудненія до доставленія имъ необходимыхъ принадлежностей. Находящійся при раненыхъ англійскій парадъ, оставленный на время, безъ нища, былъ также снабженъ сугаромъ и ромомъ.

Такъ какъ не было ничего изъ непріятеля, кому можно было бы поручить уходъ за ранеными, то англичанамъ ничего не оставалось, какъ перенести ихъ на корабль. 23 сентября, когда сорванки рѣшились продолжать наступленіе, русскіе раненые были оставлены тамъ, гдѣ лежали, на берегу Алинъ, подъ присмотромъ медика съ тѣмъ, чтобы, при первой возможности, перенести ихъ на корабль, отправить подъ парламентерскимъ флагомъ, въ какую-нибудь русскую гавань.

На долю доктора Томсона, помощника лекаря 44-го полка, досталось взять на себя присмотръ за ранеными страдальцами, побитыми въ странѣ, предоставленной непріятелю (*). Онъ оставилъ при себѣ своего прислужника-солдата, по имени Джона М. Графа. Больше не было никого, кто принималъ бы участіе въ исполненіи забытой обязанности (**).

стѣли на его глазахъ, голоса дрожали; онъ хотѣлъ дать имъ что-нибудь на память. И что же? Позвирте ли? Понимая что бы подарить имъ, онъ снялъ съ себя образецъ Прямой Дви, съ божественнымъ младенцемъ на рукахъ и, поцѣловавъ его, отдалъ имъ. О да! русскіе насъ заставляютъ краснѣть.

— Правда, прибавилъ другой солдатъ. Я лежалъ рядомъ съ ихъ ранеными въ лазаретъ. Они глядя крестное значеніе не краснѣли; они молятся явно — мы навсегда съѣдемъ такъ поступать.

П. А.

(*) Я всегда думалъ, что д-ръ Томсонъ принялъ на себя эту тяжелую обязанность по приказанію. Но изъ словъ капитана Дезингтона я убѣдился, что д-ръ Томсонъ самъ предлагалъ свои услуги. Пр. Кннл. (См. слѣд. примѣчаніе).

(**) *Кашпиданъ Лезингтонъ адмиралу Дондасу 27 сент. 1854.* Капитанъ Дезингтонъ говоритъ о д-рѣ Томсонѣ, что онъ, съ своимъ прислужникомъ г. Графъ, остался одинъ, въ непріятельской странѣ, безъ всякихъ удобствъ и даже безъ пищи, изъ простаго желанія облегчить страданія 500 собратьевъ по оружию.

Доходя до кладбища-абъ атомъ лорду Раглану, замѣтилъ, что: д-ръ Томсонъ и его прислужникъ остались добровольно въ пустынной странѣ, безъ пищи и крова.

Дондасъ лорду Раглану. Офиціальная депеша 30 сент. 1854.

Въ чемъ нуждались эти люди, такъ это не въ крови, а въ помощи ихъ согражданцевъ; а это является до слова Дезинса, будто они оставались безъ нища, то я видѣлъ, что лордъ Рагланъ добровольно написалъ на поляхъ этого депешенія слѣдующія слова: „У нихъ была пища, Р.“ Пр. Кннл.

Замѣтъ лорда Раглана едва-ли, велика справедлива. Наши несчастные раненые, не хотѣли бѣжать, и были снабжены пищею, но не на столько времени, сколько имъ пришлось проваляться, плавая въ своей крови, на берегу Алинъ. Сколько имъ извѣстно, на всѣхъ нашихъ раненыхъ, до 500 человекъ, было оставлено,

Въ случаѣ, если бы русскіе попали на покинутыхъ доктора и его сотрудника, то лучшее чего они могли ожидать—это понастаться въ плѣнь; но если ихъ личное знаніе о современныхъ «казакахъ» было не то, какое составили себѣ о нихъ солдаты войска, то все-таки они могли ожидать отъ нихъ болѣе или менѣе дурнаго обращенія (**).

Распорядившіеся, такимъ образомъ, съ русскими ранеными были, повидному, вполне убѣждены, что помощь съ флота не замедлитъ къ нимъ явиться; но (по причинамъ нѣтъ неизвѣстныхъ), въ дѣйствительности случилось, что между тѣмъ какъ выступила армія и явилась помощь съ кораблей, прошли три дня и три ночи (**).

Всѣ 500 человекъ обстрѣленныхъ, валявшихся на землѣ, оставленныхъ на попеченіи единственнаго врача и его прислужника, были такъ изранены, что не въ силахъ были сколько-нибудь помогать другъ другу; очень много имѣли разбитыя члены; другіе, терзаемые предсмертными страданіями, лежали навзничъ, призывая смерть; нѣкоторые умирали; другіе были уже мертвы (**).

двинувшимся впередъ войскомъ, десять пачковъ сухарей, боченокъ рому, нѣкое количество чая и сахарнаго песку. Д-ръ Томсонъ, во время своего пребыванія съ нашими ранеными, однажды самъ застрѣлялъ двѣ татарскія перемы и предоставлялъ раненымъ раздѣлять ихъ между собою. Если бы у него была запасъ пища для раненыхъ, ему не надо было бы прибѣгать къ такому оригинальному способу продовольствія ихъ.

П. А.

(*) Въ предъидущихъ частяхъ было говорено, что современные казаки составляли полки регулярной кавалеріи (?), утратившіе уже тотъ дикій, необузданный характеръ, которымъ такъ отличались казаки 1812 года; но фактъ, что такая перемѣна совершилась, еще не была извѣстна современнымъ войскамъ.

Пр. Кинд.

(**) Съ утра 23 до утра 26—14 сент. Левингтонъ прибылъ на якорное мѣсто позднѣе ночью 25 сентября, а на слѣдующій день, раннимъ утромъ, отправился на мѣсто, гдѣ лежали русскіе раненые. Левингтонъ Дюдау 17 сент. 1854.

Пр. Киндлжк.

Мы должны напомнить здѣсь, что алжирское сраженіе проходило 8 сентября, а перевозка раненыхъ на корабль произведена только 14 сент. Слѣдовательно, эти несчастные оставались шесть дней безъ присмотра и необходимой перевязки ихъ ранъ. По разсказу, перепечатанному изъ Journal de St. Pétersbourg, въ № 240 «Русскаго Инвалида» за 1854 годъ, «покинутые раненые, будучи перевезены послѣ битвы на берегъ Алжиръ, оставались тамъ въ продолженіе шести дней, безъ крова и почти безъ помощи; лишь у нѣкоторыхъ были перевязаны раны, да и то съномъ и соломою вмѣсто корпии, что, разумеется, принесло имъ не пользу, а вредъ. Потому, по прибытіи ихъ въ Одессу, почти все раненые были поражены антоновымъ бичемъ и 23 сентября (ст. стѣла) уже умерли 31 человекъ, изъ числа привезенныхъ 353-хъ человекъ». (По болѣе достовернымъ свидѣніямъ, доставлено 342 чел.)

П. А.

(***) Левингтонъ—Дюдау 27 сент. 1854.

Киндлжк.

По разсказу унтеръ-офицера Тригорьева, наши раненые подавали некоторую помощь другъ другу: сами варили себѣ пищу и вытаскивали умирающихъ изъ среды лежавшихъ рядами раненыхъ.

П. А.

Въ продолженіе этихъ трехъ дней, докторъ Томсонъ, съ своимъ прислужникомъ, работали безъ усталы, напрятали все силы, чтобы отдѣлать мертвыхъ отъ живыхъ, оттащить тѣла и хотъ сколько нибудь прикрыть ихъ землею; но все-таки, когда пришла помощь съ флота, нашимъ морякамъ пришлось поднять 39 тѣлъ, отчасти уже начавшихъ разлагаться (1).

Когда, наконецъ, утромъ 26-го сентября, капитанъ Лезингстонъ пріѣхалъ съ «Альбіона» и нашелъ своихъ двухъ земляковъ на ихъ начальномъ посту, онъ былъ удивленъ ихъ твердостью и чувствіемъ къ дѣлу, отъ котораго они столько потерпѣли (2).

Весь этотъ день и въ продолженіе шести часовъ слѣдующаго утра, матросы съ «Альбіона» и Везувія», снабженные носилками, трудились надъ перенесеніемъ раненныхъ на корабль. Оставалось всего 50 раненныхъ, когда появленіе 3,000 русскихъ заставило капитана Лезингстона оставить свой трудъ неоконченнымъ (3).

Раненные, перенесенные на корабль, были отправлены въ Одессу, подъ бѣлымъ флагомъ (4). Живыхъ, которыхъ можно было передать русскимъ, было 342 (5). Слабость этихъ страдальцевъ была такъ велика, что одесскій губернаторъ нашелъ невозможнымъ опредѣлить: сколько между ними было рядовыхъ солдатъ и сколько лицъ другихъ званій (6). Дондасъ, въ своемъ письмѣ одесскому губернатору, говорилъ о передачѣ этихъ раненныхъ какъ о дѣйстви, истекающемъ изъ челоуѣколюбія (7). Отвѣтъ губернатора, своею холодностью и суровостью, вынудилъ Дондаса замѣтить, что этотъ отвѣтъ могъ бы быть мягче (8). Но, припоминая какой видъ пред-

(1) Тамъ же.

(2) Тамъ же. Капитану Лезингстону телеграфировали объ исполненіи этого порученія, на его корабль „Альбіонъ“, буксированный „Везувіемъ“ и сопровождаемый транспортомъ „Эванъ“.

Кинлякъ.

(3) Лезингстонъ Дондасу. 1854. Капитанъ Лезингстонъ очень правильно поступилъ, приказавъ своимъ, душно вооруженнымъ, морякамъ отступить. *Кинлякъ.*

(4) Дондасъ лорду Раглану; частное письмо 30 сентября 1854. *Кинлякъ.*

(5) Показаніе это подписано генераломъ Анненковымъ, губернаторомъ Одессы, 29 сентября 1854.

Кинлякъ.

(6) Губернаторъ говоритъ, что онъ не можетъ различить званій раненныхъ, во невозможности спрашивать ихъ, за ихъ чрезвычайною слабостію. *Кинлякъ.*

(7) Дондасъ одесскому губернатору. „Я увѣренъ, что ваше превосходительство, изъ такихъ же челоуѣколюбивыхъ чувствъ, примете этихъ раненныхъ какъ частныхъ, не военныхъ людей, до еормальнаго разиѣна пѣнныхъ.“ *Кинлякъ.*

(8) Дондасъ лорду Раглану 30 сент. 1854. Губернаторъ, въ отвѣтъ Дондасу, 29 сентября, отвесилъ къ нему холодно; онъ только сообщалъ, что донесъ Императору о прибытіи раненныхъ и объ условіяхъ уступки ихъ, предложенныхъ Дондасомъ.

Кинлякъ.

ставляли раненыя на другой день битвы и принимая въ соображеніе положеніе, въ какомъ они находились съ прибытіемъ въ портъ, я извиняю одесскаго губернатора, если его раздражило слово «человѣколюбіе», употребленное въ письмѣ Дондаса. Одесскій губернаторъ могъ даже принять за насмѣшку сдѣланное ему предложеніе смотрѣть на эти жалкіе остатки когда-то бывшихъ солдатъ, какъ на частныхъ людей, а не на воиновъ, до тѣхъ поръ, пока ихъ можно будетъ обмѣнять. Если бы Дондасъ побывалъ на «Эванѣ» и посмотрѣлъ бы на эти обломки человѣческихъ существъ, которыми онъ былъ нагруженъ, его доброе сердце побудило бы его скорѣе пожалѣть о разрушеніи, производимомъ войной, чѣмъ толковать о «человѣколюбіи» (*).

Однимъ только онъ могъ оправдать какъ бы пренебреженіе, оказанное несчастнымъ русскимъ плѣннымъ—откровеннымъ указаніемъ на невозможность устранить лишенія и страданія нашихъ собственныхъ больныхъ и раненыхъ солдатъ.

(*) Для человѣколюбиваго дѣла, съ нашей стороны, требовались жертвы, а ихъ-то и не было. Просто на-просто, несчастные русскіе раненыя составляли для насъ бремя, которое оказалось удобнѣе сложить на русскихъ. *Линдлэкъ.*

Въ объясненіе холодности, съ какою принялъ одесскій губернаторъ услугу англичанъ, мы можемъ указать на выше сдѣланное нами примѣчаніе, т. е. что раненыя, частію будучи перевязаны сѣномъ и соломой, частію оставались вовсе безъ перевязки, со времени полученія раны, и шли уже антоновъ огонь при доставленіи ихъ въ Одессу.